

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

DOI: 10.46725/IW.2021.4.6

В. А. Порозов

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ В АРХИТЕКТУРЕ, ИЛИ ИЗБРАННЫЕ МЕСТА ИЗ ПЕРЕПИСКИ ДРУЗЕЙ

*О книге: Футлик М. И. Плохая клаузура,
или Погоня за ветром:
в письмах, стихах и прозе.
Пермь: [б.и.], 2018. 425 с.*

Введение. Необычная книга и ее герои

За тридцать лет существования ивановской интеллигенто-ведческой школы в журнале «Интеллигенция и мир», в материалах конференций, монографиях и научных сборниках в той или иной степени освещена жизнь и деятельность представителей множества интеллигентских профессий, даже рабочих-интеллигентов¹. Однако сферы приложения сил «работников умственного труда» (а это, конечно же, далеко не единственный критерий интеллигенции) столь разнообразны, что впереди немало возможностей для заполнения «белых пятен» и выявления «неоткрытых островов». Вот и автор данной статьи неожиданно,

---

© Порозов В. А., 2021

Порозов Владимир Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и общественных наук, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, va-porozov@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Perm State Humanitarian Pedagogical University).

¹ Филатов Н. М. Президент Социалистической республики Брауншвейг Август Мергес: путь рабочего-интеллигента // Интеллигенция и мир. 2020. № 2. С. 54.

по крайней мере для себя, наткнулся на коралловые рифы, вдохновленные архитектурой. Внешне они выглядели достаточно реалистично и урбанизировано — плотным глянцевым «кирпичком» прекрасно изданной книги со множеством черно-белых и цветных иллюстраций, разве что удивлявшей разнообразием шрифтов и расположением текстов на странице.

Само появление такой книги — не неожиданность. Автор — Михаил (Мендель) Иудович Футлик (род. 1933) является, безусловно, одним из выдающихся представителей российской провинциальной интеллигенции, сумевшим за свою долгую и активно продолжающуюся жизнь блестяще реализоваться в профессиональном и личностном планах. Прежде всего, это заслуженный архитектор России, член Союза архитекторов с 1964 г., кавалер знака «Почетный архитектор России», руководитель (с 1994 г.) архитектурной мастерской «МФ»², застроивший или изменивший своими проектами добрую половину центра миллионного города Пермь. Это самобытный художник, работающий в монументальной и станковой живописи, скульптуре, графике, театрально-декорационном искусстве и, как выяснилось, не чуждый книжного дизайна (художественное оформление и макет книги). Это творческая, нестандартно мыслящая, с собственным поведенческим стилем личность, формирующаяся вокруг себя «культурные гнезда» архитекторов, художников и просто интересных людей. Вряд ли неожиданной является и предложенная форма повествования, поскольку традиционно последовательное изложение мемуаров или научно-популярное эссе об архитектуре в корне противоречило бы неуемной творческой натуре этого человека. Имеются все основания рассматривать его основательный труд как важный исторический источник, особенно ценный для интеллигентоведов и историков повседневности, а критика исторического источника и есть основной метод работы историка.

Книга создавалась несколько лет: автор начинал писать ее шариковой ручкой, а закончил на самых «продвинутых» программах компьютера. Мечты же о ней зародились... в 1957 году,

---

² М. И. Футлик // Пермский край: энцикл. [Электрон. ресурс]. URL: http://enc.permculture.ru/showObject.do?object=1803826724&viewMode=D_1803401872&link=1 (дата обращения: 08.04.2021).

через год после окончания архитектурного отделения Уральского политехнического института в Свердловске — ныне это Институт строительства и архитектуры Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, город Екатеринбург. В постоянной аудитории, закрепленной за группой С-178, за четырехместным столом в кафе учебного корпуса и на коротающей время в нехитрых интеллектуальных развлечениях галерке поточных лекций по марксизму-ленинизму сформировалась команда четырех мушкетеров, пронесших свою дружбу через всю жизнь. Мушкетерский образ в книге не присутствует, друзья называли себя «Большой Четверкой». Ее сблизили «общая идеология», критический взгляд на окружающий мир, в котором друзья «замечали большие недоделки», а также «порядочность и чувство юмора. Иногда талант»³. В роли предприимчивого и верного рыцарскому кодексу профессиональной чести д'Артаньяна явно выступает прибывший в «столицу Урала» из относительно провинциальной Перми автор книги Мендель Футлик, от лица которого и ведется основное повествование. Интеллектуально-утонченный, сыплющий стихами и остротами, не чуждый музыке Арамис — это Николай Владимирович Алещенко (1933—1990), кандидат архитектуры, специалист по проектированию промышленных сооружений, ставший заведующим кафедрой теории и истории архитектуры (ныне истории искусств и реставрации) Свердловского архитектурного института⁴. По обилию воспроизведенных писем, стихов и прозы Николай Алещенко фактически является соавтором книги.

Самый молчаливый, ограничивавшийся лишь скромными приписками к письмам друга, проявляющийся в книге преимущественно как скромный обыватель-совслужащий (старший научный сотрудник и руководитель группы техотдела промпроектного НИИ)⁵, благополучный семьянин, нашедший свою

---

³ Футлик М. И. Плохая клаузура, или Погоня за ветром: в письмах, стихах и прозе. Пермь, 2018. С. 31.

⁴ Десятов В. Г. Николай Владимирович Алещенко (1933—1990) // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2009. № 2. С. 102—104.

⁵ Постоногов Ю. И. 50 лет архитектурному образованию на Урале. 1953—2003 гг. Екатеринбург; Тюмень, 2003. С. 66.

«отдушину» как болельщик всевозможных видов спорта — Геннадий Михайлович Гаврилов (1932—2009). Этот Атос — преданный друг, именно он по первому зову всегда был готов составить компании в инициативах друзей и тщательно хранил для истории их переписку. Ну а Портос — это Борис Андреевич Кожихов (1932—1998) — этакий немногословный «тяжелоатлет», со студенческой скамьи берущий максимальный вес, прокладывавший себе, по его собственному выражению, «дорогу в жизни среди зарослей нравственной морали»: семья, дети, солидные должности (главный архитектор в Уральском филиале Гипромашпрома в уральском Златоусте, главный архитектор отделов белорусских промышленных объединений, с 1976 г. — главный архитектор в авторемпроекте г. Минска)⁶, орден «Знак Почета», выезды к дочери за границу. Поскольку после окончания вуза, и то не сразу, лишь двое из четырех друзей жили и работали в Свердловске-Екатеринбурге, дружба продолжалась в активной переписке, взаимных визитах, относительно регулярных встречах с однокурсниками и совместных летних выездах на юг, преимущественно в Гагру.

Все это и дало материал для этой необычной книги, составленной из фрагментов писем, мемуарной, публицистической и философской прозы автора, стихов и лирического эссе про город Пермь Николая Алещенко, документальных фотографий, послесловия состоявшейся в науке однокурсницы, репродукций произведений изобразительного искусства и архитектурных проектов. Замысел ассоциируется с флорентийской мозаикой, в надежде собрать из этих разнородных камешков стройную и законченную картину. Признавая, что результат далек от идеального замысла, автор начинает заглавие книги со слова «плохая». Но книга все-таки состоялась, потому что в ней есть сквозная тема — это архитектура, ее судьба в современном обществе и, прежде всего, в нашем Отечестве, прослеживаемая через мироощущение ее творцов и учрежденческих служащих — российских архитекторов, хотя бы только по образованию. Отсюда клаузура — как (энциклопедические строки воспроизводим по тексту книги) короткое творческое задание в архитектурных школах с XVI века:

---

⁶ Там же. С. 69.

«Для выполнения задания студентов закрывали в одиночестве под замком, чтобы не помогали друг другу (замок по-итальянски «*clouso*», поэтому и называется упражнение «*клаузура*»). По результатам этого упражнения преподаватели определяли способности студентов»⁷. Ну и погоня за ветром — вечная неудовлетворенность мыслящего, творческого человека результатами своего труда, работой, обществом, жизнью в конце концов. Но, как сказано давно, надо жить, надо любить, надо верить.

Интеллигенты, архитектура и «недоразвитый социализм»

К сожалению, ни Толстой, ни Достоевский, ни Чехов в книге (возможно и вообще в многолетней переписке друзей) не упомянуты ни разу — разве что времена «нетургеневские». В широчайшем спектре цитат и ассоциаций доминируют Хармс, Бабель, Жванецкий, Екклезиаст. Сам стиль общения, избранный дружной четверкой — это щемящая, осознаваемая или нет, тоска по идущу, который, за утратой собственной идентичности, переносится в русский язык («Мисаня посетил на юг, он в Гагру посетил...»)⁸. Лишь в самом конце, оставшись с автором книги один на один, Борис Кожихов напрочь отказывается от игры и рубит из перестраивающейся Беларуси правду-матку без всяких претензий на юмор, словесные ассоциации, придаточные и сложносочиненные. И посреди жесткой «соцреалистической» жизни трогательное, со студенческих лет, обращение друг к другу: Николенька, Бориска, Мисаня. Есть, правда, Геныч, но и того Мисаня чаще всего имеет Геннаденькой. Что не мешает время от времени вставлять в текст изящные достижения русского мата.

Но главное, разумеется, не форма, а содержание, хотя данная книга блестяще иллюстрирует взаимосвязь этих категорий. И тут с точки зрения исследователя-гуманитария нельзя не обратить внимание на интеллигентоведческую составляющую этого необычного опуса. Самоощущение героев-авторов именно как интеллигентов прямо-таки бросается в глаза. Уже на стр. 8 читаем: «Время, отведенное на выполнение клаузуры, оказалось

⁷ Футлик М. И. Указ. соч. С. 7.

⁸ Там же. С. 357.

длиною в жизнь. Жизнь четырех деклассированных интеллигентов в условиях недоразвитого социализма и дикого капитализма». И далее, в разные периоды жизни, до полутора десятков раз⁹: интеллигент («истинный», причем «аристократ»), интеллигентция («трудовая»; «мелкая техническая» — упоминается чаще всего, причем по отношению к себе; «потомственная» — тоже о себе, даже так: «деклассированные потомственные интеллигенты в период хрущевско-брежневского отстоя»; «местная»; «творческая — писатели, журналисты, художники»; «говенная» — с описываемой автором точки зрения властей), «интеллигентские штучки», «интеллигентские патлы», интеллигентщина (рифмующаяся с военщиной). Наконец: «А что с нас взять! Старые, хилые интеллигенты, вышедшие из небогатых семей, существовавших исключительно на трудовые доходы. Дети голодных военных и послевоенных лет, убогие студенты уральской архитектурной школы и скромные служащие в последние три десятилетия»¹⁰.

Однако знакомство с марксизмом-ленинизмом все-таки не пропало зря, и даже на оппозиционной галерке («Я никогда не был материалистом»!¹¹) стало ясно, что надо как-то определяться с социальной базой. А поскольку никакой симпатичной друзьям «клузузы» они в обществе не увидели, смогли сориентироваться лишь на себя, на профессию, на творчество. А что б мы хотели, если воспеваемый рабочий класс, после смены толпой заполняющий улицу перед архитектурной мастерской, старательно обходит дворец культуры («его посещает, в основном, местная интеллигентия и прочий мелкобуржуазный элемент») и заполняет «прилегающие к ней продуктовые магазины. Однажды в такое время я случайно замешкался, застрял в одном таком магазине. Выбраться из него наружу уже не представлялось возможным, пока с полок не исчезли все бутылки “Солнцедара”, “Алжирского” и прочей “бормотухи”»¹². Таково восприятие автором создателей вполне конкурентных для своего времени авиационных, вертолетных и ракетных двигателей. Знакомы друзья и с трудовым

⁹ Там же. С. 21, 86, 101, 138, 161, 163, 216, 237, 332, 342, 385, 413.

¹⁰ Там же. С. 346.

¹¹ Там же. С. 398.

¹² Там же. С. 385.

крестьянством, вдохновляющим на такие-вот опусы («Воскресенье в деревне», 1961 г. — вообще одно из лучших стихотворений, надо сказать)¹³:

От жары сомлели суки,
Лижут на боках подпалины.
Маются в бескрайней скуке
Бабы, сидя на завалинках.
Возле мостика, в буряне,
Положив под щёку доску,
Безмятежно дремлет пьяный
В новом пиджаке «в полоску».
В воздухе разлита нега,
Пахнет брагой и блинами.
Увертюру из «Онегина»
У сельпо гремит динамик.

Разве что Геныч всех удивил, вливаясь в «толпы унылых, небритых людей в потертых шубах, пимах, мятых ушанках», которые «прут толпой на бетонные трибуны. Многие хватили сучка, тупо вращают бельмами, курят, матерятся, жуют мерзлые пирожки. А главное, каждое ничтожество может подойти к тебе и, даже не извинившись, спросить: “кто в защите?”». Далее интеллигент Николенька демонстрирует знание следующей лексической обоймы, которая не совсем понятно к кому относится: «Молчать! Грязный выкидыш! Распустились! Сволочи! По морде таких! Да, именно, *поморде*. Хорошо бы сапогом»¹⁴. Видимо, это выкрики с трибун, точнее фантазия на темы этих выкриков, ведь автор на стадион не ходил.

Вообще представление о народе порой поражает примитивизмом: «народ всегда стабилен — подавай ему лебедей на ковриках и кошечек на раскрашенных анилином фото»¹⁵. И это в 1988 г. — вероятно, под влиянием Солженицына. Не очень интеллигентным выглядит поименование улицы Красноармейской не иначе как Хунвейбинская, или покорившей весь мир как гордости русского национального искусства «дымки» «отвратительными в своей убогости фигурками», которые дарят лишь дураки.

¹³ Там же. С. 125.

¹⁴ Там же. С. 122—123.

¹⁵ Там же. С. 358.

Чужды друзьям и такие «банальности», как Родина, Отечество, патриотизм. В этой стране жить вообще холодно и неуютно. Даже в Ленинграде: «Не лежит душа к этому огромному неуютному каменному городу... На воротниках прохожих будут снова сверкать ледышки от соплей. А чувихи в капронах будут жутко стыть на морозе. Снова нужно будет их уводить в подъезды, пахнущие кошками, и вздрагивать при каждом хлопке дверей... здесь снег, холод. Нет ни пальм, ни гималайских кедров. Есть только таблички «уборной во дворе нет»»¹⁶. Что уж говорить об Урале, где «трещит собачий азиатский холод и сопли замерзают сосульками, доходящими до колен»:

Закончились деньки погожие,
Прошли погожие деньки.
Бегут случайные прохожие,
Уткнув носы в воротники.

Деревья, как рога олены,
Сугробы, как слонихи сонные.
И ломит холодом колени
Под трикотажными кальсонами.
Сжимаю нервно пальцы зябкие
В кулак, хрустящий, как початок.
И растопырены культияпками
Пустые пальцы у перчаток.

Луна на эту стыть мирскую
Глядит бесстрастным глазом-кратером.
В подъездах парочки тоскуют
И жмутся к пыльным радиаторам.

В общем, «зимой люди живут без солнца, и это делает их несимметричными, непараллельными и нерентабельными»¹⁷.

Отсюда постоянное нытьё, которое никакими претензиями на остроумие не прикроешь: «Здесь очень не хватает солнца. Низкое, темное небо все четыре времени года порождает в людях томление духа и унылое настроение. К тому же организм перестает вырабатывать витамин Д, который остро необходим всему

¹⁶ Там же. С. 118—119.

¹⁷ Там же. С. 93, 100, 194.

человечеству. Это не ареал для обитания человека»; «Мы родились и живем в несчастливое время. А жизнь пошла в другом направлении»; «Повседневная жизнь сильно смахивает на столовский кисель. Не густо, не жидкo, не горячо, не холодно, не сладко, не кисло, ни запаха, ни цвета и уж, разумеется, никаких витаминов»; «Что до меня, — живу скучно. Томительное ожидание завершения работы, безнадежность получения жилья, расшатанные нервы. Думаю, что и ты живешь не очень весело, ибо все мы связаны одними и теми же пустыми хлопотами в казенном доме»; «Масса забот, дел, нужда — это всё наша обычная 11-тимесячная жизнь и так всегда! Трудно уйти от таких клещей опостылевшего бытия»; «Сижу в удмуртской столице, где нет даже писчей бумаги... В моем люксе хрипит удмуртским языком разбитый динамик и простужено клокочет унитаз»; «Еду я вторые сутки / Злой, голодный и тверёзый. / За окном, как простиутки / Раскорячились берёзы»; «О бытовой, семейной и служебной грани своей жизни писать не буду. Они одинаково тошнотворны»; «Тяжелые времена бизнес сделать. А жаль, возможно, у меня есть способности, а пропадают зря без действия... 1965»; «И времена не тургеневские, и годы наши, увы, не лермонтовские, и быт не способствует. Перенервничаешь на работе полдня с бесконечными выездами на с/х работы, проматеришься вечер с корешами за “огнегушителем” бормотухи, поцапаешься с женой, — и нате вам! — начнешь писать чистые, добрые, складные строки писем. Как же!»¹⁸

Это всё из писем друзей, выбранных автором книги как самые интересные, содержательные и типичные. Поэтому вряд ли удивит читателя его собственное резюме, выделенное жирным шрифтом: «Человечество давно и спокойно живет по законам Абсурда с непреодолимой целью самоуничтожения. Любая гадость и напасть случается, как закономерность. И самое гнусное у этой закономерности — ее последствия»¹⁹. Конечно, можно объяснить унылую жизнь отсутствием архитектуры в том смысле как ее понимают герои книги. Но их вечной тоской измученной души можно, пожалуй, объяснить и унылую архитектуру.

---

¹⁸ Там же. С. 101, 136, 142, 152, 194, 217, 239, 315, 318.

¹⁹ Там же. С. 329.

Лейтмотивом этого гимна житейской неустроенности нашего общества является в условиях «недоразвитого социализма» тотальный дефицит: все приходится доставать, жизнь уходит на поиски туалетной бумаги и самих туалетов, которых вне дома и учреждений практически нет. Мясо возили из Москвы — даже куриное, по уверению автора, причем производства пермских птицефабрик. Все приходится «доставать». И доставят! У троих из четырех столь несчастных друзей машины. Правда, у одного она принадлежит родственникам, но зато «Волга», а не «Жигули» какие-то — впрочем, на них и после перестройки в Германию и по Германии ездить можно было. Японские и немецкие магнитофоны, которых вообще не было в продаже, «имелись почти у всех меломанов». Постоянный атрибут д'Артаньяна — импортная одежда, в частности, воспевающиеся в переписке вельветовые штаны. И вообще, в случае нужды и «на лапу» положить допустимо (это о взятках²⁰).

Вообще создается впечатление, что это просто баловни судьбы, которые в детстве почти не заметили послевоенного голода — по крайней мере, на шкалу отсчета их жизненных ценностей он никоим образом не повлиял. Которые выросли в интеллигентных семьях, как их квалифицируют окружающие (среди родственников — соратники самого Я. М. Свердлова, или, к примеру, «парторг Большого театра»)²¹, однако, имея в предках революционеров, даже и не пытались понять их идеалы (не случилось «гармонии в людях» — ничего не поделаешь!). Которые родились отнюдь не в самой глухой провинции: трое — в советской «столице Урала» и один — в дореволюционном губернском центре, учились в лучших школах и окончили их с золотой медалью или около того. Которые как недостойную упоминания норму воспринимали зачисление в вуз без экзаменов и бесплатное обучение с какой-никакой стипендией...

---

²⁰ Там же. С. 317.

²¹ Там же. С. 17, 95; *Десятов В. Г.* Указ. соч. С. 102.

«Нормальная» жизнь и «закон Абсурда»

Но жить без идеалов нельзя, и идеал-таки есть: это благословенная заграница, причем заграница западная. Там нормальная («НОРМАЛЬНАЯ!») жизнь, у нас же она представляет собой сплошной абсурд (Абсурд — с большой буквы!). Вот некоторые из выведенных автором книги проявлений закона Абсурда: «любая кривая от точки “А” до точки “Б” всегда короче прямой линии»; «всякая не согласованная с высшей инстанцией инициатива, независимо от цели, которую она преследует, должна быть наказана»; «...непременно пресечена и наказана»; «абсурд, повторяемый бесчисленное количество раз, постепенно начинает восприниматься уже как постоянная объективная истина»; «“завтра” никогда не наступит»; а также — вклад Геныча — «Страшная невезуха сопутствует нам в успехе»; вклад Бориски — «Человеку всегда мало»²².

Автор книги убежден, что на Западе ни этот закон, ни его проявления не действуют. Впрочем, до перестройки он там не бывал: мешал железный занавес, а попасть в редкую тургруппу не позволяли высокопоставленные конкуренты. Не утруждая себя изобретением причин, последние намекали на национальность, что устраивало всех, в том числе и доверчивого автора. Других проявлений антисемитизма ни в мемуарах, ни в переписке не приводится, кроме утверждения, на основе отказа в поездке в Финляндию, что на Урале он есть, хотя в период борьбы с космополитизмом вроде бы не было. Зато первая зарубежная поездка при открывшихся возможностях — Иерусалим. Разумеется, там тоже нормальная жизнь и, тем более, нормальная власть: «Иерусалим — город особенный... Авторы его зданий — известные зодчие из разных стран, имеющие свой характерный индивидуальный почерк. Но в монолите гармонии городских строений чувствуется стальная воля городской власти. Власти профессионалов»²³. Вопрос, были ли в этой власти архитекторы, не ставится, тогда как для России это вопрос принципиальный: власть в архитектуру вмешиваться не должна, ибо вопросы застройки города должны решать специалисты. В общем, участие в процессе

---

²² Футлик М. И. Указ. соч. С. 48, 51, 161, 187, 218, 342, 384.

²³ Там же. С. 370.

руководителя, обладающего большой властью и возможностями — благо, если это правильный руководитель, а поскольку у нас неправильные, то потомкам оставляются «города-монстры и подобные этим городам кварталы и сооружения»²⁴.

Таких противоречий в книге немало. Двойные ценности, двойная мораль. Одна из аксиом, сформулированная Бориской и повторяемая друзьями: «есть две правды — одна мирская, другая житейская»²⁵. Отсюда соответствующая шкала этих ценностей: «Желаю тебе отличного самочувствия (это, в конце концов, самое важное). Далее по степени значимости идут: здоровье и благополучие твоих родных и близких, успехи в работе и в общественной деятельности, материальное благополучие, наличие вельветовых штанов “Wrangler” и т. д. Впрочем, ты можешь поставить наличие штанов перед успехами в общественной деятельности, но не надо об этом кричать вслух. Общество любит трудолюбивых, сознательных и скромных людей»²⁶.

Зато неудовлетворенный своим социальным статусом кандидат архитектуры, скромный, еще до заведования кафедрой, преподаватель провинциального вуза объездил чуть ли не полмира. И хотя от группы отрываться было нельзя и ознакомление с «нормальным» миром ограничивалось экскурсионными объектами, поднаторевшими в огне холодной войны экскурсоводами и видами из окна автобуса, неустанно рассказывал друзьям, как там замечательно («Мы жадно поглощали его рассказы... и радовались за тех людей, потому что они там живут хорошо»²⁷). После перестройки несколько раз выезжал к дочери в Германию архитектурный начальник из Беларуси. Возвращался потрясенный: вот это жизнь! Впрочем, в чем именно состояли эти преимущества, из приведенных писем не ясно. Главная идея — там живут («нормально»!), а у нас, даже и в СНГ, выживают. Тем более, в начале девяностых, в данном случае в Беларуси: «Идет грабеж неприкрытый, повсеместный, тотальный. Каждый в одиночку сохраняет свою хреновую жизнь. По телевизору порнуха, американские стрельбища, политический маразм и словесная блевотина.

---

²⁴ Там же. С. 165.

²⁵ Там же. С. 225, 261.

²⁶ Там же. С. 315.

²⁷ Там же. С. 213.

Возле нас продают пиво Зр за кружку. Но сливать его надо теперь только в нашем подъезде и лифте. По вечерам лучше ходить по улице в опорках, в задрипанных шмотках, без шапки. Остальное узнаешь из телевизора»²⁸. И чуть позднее (1995 г.): «В принципе, люди стали жить лучше — завал овощей, фруктов, колбас, импортных товаров. Но никто даже штанов не шьет и картошку не сажает. Повылазила какая-то фашистская сволочь. Если бы лет 30—35 смахнуть с меня, знал бы, что делать. Прежде всего, рванул бы с 1/6 части суши куда глаза глядят. Хоть в Эфиопию. Временами сатанею от бессилия и злобы и поэтому глубже лезу в свою скорлупу»²⁹.

Отсутствие заграницы (хоть Эфиопии?!) компенсировалось поездками по великому СССР. М. Футлик систематически бывал в Средней Азии — то на военных сборах, то у друзей-художников. Даже в военной форме была возможность познакомиться с театром, спроектированным архитектором Щусевым, и спектаклем в нем (в том и другом случае практически никаких эмоций, доминируют раскаленная площадь и замена обещанного балета на оперу). Ну а в узком русскоязычном профессиональном кругу — та же богема, с постоянной нехваткой спиртного и дегустацией наса. Местное население всё на хлопковых полях; в городе — толпы детишек-попрошаек, ну и сервис, естественно: неспешные разговоры в чайхане и то же преклонение местного населения перед иностранцами на фоне впечатляющей старинной архитектуры. Архитектурные курсы-семинары проходили, как правило, в Прибалтике: всё без замков, никто не ворует, чистота, культура. И, особый разговор, значительная часть книги — Гагра, до 24 дней в которой друзья начинают отсчет оставшегося рабочего времени с осени. Тут главное — солнце, молодость, блаженное безделье и общение друг с другом. Кругозор тоже ограничивается пляжем (похоже, особым, именно дома отдыха архитекторов) и сферой обслуживания, ограбающей деньги с приезжих всего Советского Союза. В общем, сплошной восторг: «Нам нравился их кипящий на горячем солнце темперамент. Их гордость, разбавленная тщеславием. Они знали себе цену

---

²⁸ Там же. С. 372.

²⁹ Там же. С. 375.

и умело пользовались спросом на нее. Отсюда — доброжелательная импровизация общения, обильно сдобренная только им присущим юмором. Это притягивало сильнее магнита, увлекало и добавляло бесплатный кайф к общению. Конечно, нас постоянно обсчитывали. Нам разбавляли водой водку. Нам продавали дешевое вино вместо марочного. Эта чепуха с лихвой окупалась веселым, добродушным обхождением. Обхождение, в свою очередь, улучшало в нас настроение, поднимало тонус и утверждало стойкую уверенность в завтрашнем дне»³⁰.

При этом, покупая заднюю левую (именно левую) баранью ногу на шашлыки, вопрос о мере раскованности людей, вырацивающих и поставляющих этих баранов, тем более, местных женщин, не ставился. Зато немало внимания уделено ресторанному певцу Гиви: слова обессмертившего его доморощенного шлягера «О, море в Гаграх!» даже старательно воспроизведены наряду со стихами Николеньки и строками из Екклезиаста. Горный Кавказ представлен, в основном, красотами природы и информацией о чуть ли не ежегодных зимних (наряду с летними заграничными) поездках Николая на горнолыжные курорты, где в обстановке тотального дефицита он питается бутербродами с красной рыбой. Также и в среднеазиатском городе автор смутно догадывается о какой-то другой жизни по ночному движению караванов на рынок (не покупать — продавать!), но, удовлетворившись чисто эстетико-эмоциональным ее созерцанием («будто армия Тамерлана»), к проблемам большинства населения этого украшенного памятниками архитектуры мира, более не возвращается.

Что уж говорить о Европе! Самое яркое впечатление — кучка экскрементов на джинсах, брошенных посреди ведущей к музею улицы. Оказалось — муляж, экспонат, так сказать. Однако запаха не было, недоработка, в общем. А так то же пренебрежение к толпе, ничего в искусстве не понимающей: любуются на свои отражения в стекле перед Моной Лизой, сличают с путеводителем персонажи «Ночного дозора», не замечая шедевров Вермеера. В общем, люди как люди. То ли дело Сальвадор Дали, сконцентрировавшийся на «прямо-таки торчащей из холста» иголке хрестоматийной «Кружевницы». Что ж, будем

---

³⁰ Там же. С. 133.

соответствовать: видим у Рембранта копье («направлено прямо на тебя»), шлем, камзол, собаку...

Перестройкой, а тем более постперестроечной Россией герои, точнее двое пережившие очередную попытку приблизиться к западным стандартам, тоже недовольны. К самоценности своей «скорлупы» в конечном счете приходят все, берясь за этюдники и обращаясь преимущественно к пейзажу. Исчезает спасительный юмор. М. И. Футлик, получивший невиданные прежде возможности для работы и собственное архитектурное бюро, подходит к оценке ситуации с философских позиций: «Теперь наверху расселись более спортивные, более комсомольские и более цепкие. Круговорот природы. Закон Абсурда объединился с законами гравитации. Но архитекторы, всегда прочно зависимые от чиновников, заказчиков и предпринимателей, остались у своего прежнего раздолбанного корыта»³¹.

Вся великолепная четверка уверена, что у нас нет не только нормальной жизни, но нет у нас и архитектуры. Она была в Бразилии, где Оскар Нимейер строил железобетонный Бразилиа, она была в Индии, где появился «лучезарный» Чандигарх по проекту Ле Корбюзье. Разумеется, в вильнюсском Лаздинае, в связи с которым даже социализм впервые упомянут в некотором положительном контексте. Ну а «на территории России не только не будет подобных городов, но и архитектура исчезнет полностью»³²: «Архитектура, как и вся наша культура и искусство с его провайдерами, криэйтерами, пиарщиками и почти полным отсутствием живых и здоровых творцов вызывает теперь только сострадание. Талантливых быстро заменили сообразительные. Эрзац заменил искусство. Заметили эту подмену не сразу и не все»³³.

Это подтверждается и приведенным в книге авторитетным мнением кандидата архитектуры, профессора Уральской архитектурной академии Р. М. Лотарёвой: «1956 год в нашей жизни архитекторов оказался особо значимым, так как в этот год фактически была уничтожена архитектура в России. В стране волевым порядком была проведена “культурная перестройка”, когда

---

³¹ Там же. С. 386.

³² Там же. С. 96.

³³ Там же. С. 187.

архитектуру перестали считать искусством и она была переведена в разряд обычного ремесла». И далее: «До сих пор все попытки воскрешения архитектуры безрезультатны — как погоня за ветром. Зодчеством занимаются посторонние люди, не имеющие к нему отношения, что приводит к нелогичным и неграмотным решениям»³⁴.

Так ли? Мендель Футлик, как состоявшийся мастер, даже в условиях «недоразвитого социализма» сумел отметиться в Перми зданиями, одно из которых сразу же было признано памятником истории и культуры (областная, ныне краевая, библиотека), другое — заняло едва ли не центральное место на выставке к съезду Союза архитекторов РСФСР в 1981 г. (баня с данным народом названием «пушкинская»). Что уж говорить о последних десятилетиях, когда возглавляемая мэтром творческая мастерская «МФ» делала почти всё, что хотела. Стал ли город от этого лучше? В чем-то да, поскольку от конструктивистских увлечений молодости и обожествления Ле Корбюзье мастер перешел к оправданию и даже воспеванию эклектики («Стиль — это направление. Творческий процесс может изменить направление, внести новые детали, не нарушая общей гармонии... Настоящая эклектика — продукт избранных»³⁵). А в чем-то и нет, поскольку принципиально в застройке города ничего не изменилось.

Разумеется, автор винит в этом непрофессионализм власти, отсутствие настоящей творческой свободы и авторского права архитектора, что приводит к изменению проекта в ходе строительства и после сдачи объекта. Но хотя бы какой-то самокритики в книге явно не хватает. Как коренной пермяк, неспециалист в области архитектуры и читатель, обращаю внимание на нелепость размещения банальной конструктивистской высотки (все объекты представлены в книге визуально) на Октябрьской площади, или громаду нового жилого дома на Сибирской, «раздавившую» не только образцово-конструктивистскую семиэтажную гостиницу, но и собственный общепризнанный (в мировом масштабе!) шедевр — административное здание

---

³⁴ Лотарёва Р. М. «Большое видится на расстоянии» // Футлик М. И. Указ. соч. С. 424, 425.

³⁵ Футлик М. И. Указ. соч. С. 332.

напротив. Да, проект был изменен, но, увы, не в размерах. Ну а решению властей, не позволивших поставить на этом месте авангардистский небоскреб, практически уничтожавший стилистику исторического центра и гордости города — улицы Сибирской, можно лишь удивляться: от такого здравомысления местного руководства пермяки давно отвыкли. Намек же на то, что сложившаяся прямоугольная планировка неправильна, поскольку не учитывает особенностей рельефа, вообще приводит в дрожь: как начнут учитывать — и прощай, Старая Пермь! Что касается типовых проектов и безликих микрорайонов, то, конечно, надо сравнить с ними стоимость Лаздиная в адекватных квадратных метрах, получения которых так ждали и так жаждали герои книги вместе с миллионами россиян.

И снова об интеллигенции

Ушел в историю и золотой период существования пермской интеллигенции. Один из самых впечатляющих эпизодов книги — рассказ о создании рельефов на здании областной библиотеки и дружное отстаивание их от нападок властей из-за присутствия в сюжете монахов Кирилла и Мефодия. Сегодня это практически невозможно: таких людей просто нет. Мы цитируем вместе с автором книги Михаила Жванецкого — «Вместо того, чтобы крикнуть “что же вы, суки, делаете?!” мы думаем “что же они, суки, делают”» — и наблюдаем, как был разрушен являвшийся гордостью города первый на Урале панорамный кинотеатр «Кристалл»; как уничтожено уникальное произведение монументального искусства — панно художников Колюпановых «Наука»; как тридцать лет в изуродованном виде стоит всё та же «пушкинская» баня; как полтора десятилетия издевались над неустановленным памятником А. С. Пушкину работы знаменитого москвича В. М. Клыкова; как мало что остается от архитектурного решения мемориального воинского кладбища…

Однако именно ругаемая, во многом, разумеется, справедливо, эпоха дала таких выдающихся упомянутых в книге пермских интеллигентов, как Савватий Гинц, Лев Давыдович, Борис Назаровский, Владимир Радкевич, брат автора Лев Футлик, есть в их числе и нашедшие свое место архитекторы Александр

Терехин, Гершен Канторович, Давид Рудник. Ну а такие уникальные личности, как художники и скульпторы Рифкат Багаутдинов, Юрий Екубенко, Тимофей Коваленко, композитор Генрих Терпиловский получили великолепные, глубокие, неординарные портреты, выполненные грамотно и с большой любовью в добротной прозе.

В общем, рановато мушкетеры назвали себя интеллигентами. Рановато. В очередной раз убеждаешься, что самоидентификация в этом деле невозможна, что высокое это звание заслужить надо — работой, мыслями, строем чувств. И не самим нам, грешным, решать. Но оценка современников и потомков — другое дело. Поэтому мы можем вполне определенно утверждать, что имея дело с явными интеллектуалами, все-таки можем с полным правом отнести их к интеллигенции как социальному слою, причем как довольно типичных представителей своего времени, надо сказать. Живи и мысли они по-другому, и не было бы у нас никакой перестройки, и жил бы себе наш могучий и дружный СССР и, может быть, даже появились бы в необходимом количестве и в нужных местах общественные туалеты, которых, впрочем, сегодня и вовсе нет. А так — вот он, тот самый «щупалец», о котором писал Троцкий, та самая «пятая колонна» конкурирующей цивилизации, выявленная Тойнби, та самая подобострастно гнущаяся под запад «свободная русская мысль», описанная Достоевским и Данилевским³⁶.

Однако есть в книге интеллигент истинный, именно этим термином определенный, образ которого, как архитектора и учителя, проходит через всё сочинение, наряду с Бернини и Ле Корбюзье. Это наставник дружной четверки в годы учебы в вузе, основатель архитектурного образования на Урале, профессор Константин Трофимович Бабыкин (1880—1960). Интеллигент старой дореволюционной школы, он никогда не ныл, не подлаживался под время и власть, а жил вместе со своей страной и народом. Участвовал в проектировании и строительстве в начале века в стиле модерн здания екатеринбургской оперы и ставшего филармонией клуба, а в самые что ни на есть культовые

---

³⁶ Порозов В. А. Интеллигенция в историко-цивилизационном контексте // Интеллигенция и мир. 2019. № 1. С. 116—120.

времена корпуса политехнического вуза как монументального творения рационального, с элементами конструктивизма, классицизма. При этом никогда не выпячивал свое авторство, успешно сотрудничая с другими архитекторами и инженерами³⁷. Два запомнившихся М. Футлику завета этого мастера оказались пророческими. Первый из них: архитектором из вуза не выйдешь, им можно стать только годам к сорока. И второй: циркуль нужен только при обучении, у архитектора он должен быть в глазах. Поскольку сам учитель во всех отношениях состоялся и «циркуль» такой имел, в чем никто не сомневался, то в длительных и бесплодных дискуссиях не было необходимости — достаточно было трех слов: «Поставь на место»³⁸.

Друзья же не хотели ждать до сорока лет, им хотелось все-го и сразу. Поэтому, с первых лет после окончания вуза они, за неимением архитектуры, которой «не было», стали мечтать о публикации своей переписки, и писали свои письма с прицелом в вечность. И автор книги, и однокурсница — профессор современного архитектурного института — свидетельствуют, что творящими архитекторами становятся единицы: из этой четвёрки дошел до сорокалетнего рубежа и ощутимых результатов в столь сложной сфере творческой деятельности только Мендель Футлик. Остальные друзья, как и большинство однокурсников, стали чиновниками (начальствующими и подчиненными), реализовывались в иных творческих сферах. Но только ли в «отсутствии» архитектуры тут дело? Не является ли данная ситуация типичной для выпускников художественных вузов, где на первом курсе, по известной шутке, все Народные артисты, а на последнем — профнепригодные? Тем более, после бала надежд. Столь откровенная попытка заглянуть в их внутренний мир стоит дорого.

---

³⁷ Архитектор Константин Бабыкин: статьи, эссе, рассказы / ред.-сост. В. Ваулина, Р. Лотарева. Екатеринбург, 2015. С. 8—9. URL: https://tatlin.ru/shop/arxitektor_konstantin_babykin (дата обращения: 20.04.21).

³⁸ Футлик М. И. Указ. соч. С. 18, 25, 23—24, 169, 274, 326, 413.

Заключение. Чем хороша «Плохая клаузура»

Ну и о «циркуле в глазах». Даже имея такой циркуль в профессиональных вопросах, в социальных можно так и не суметь «поставить глаз» под правильным углом. Посему даже хороший и состоявшийся архитектор может представить клаузуру не самого высокого качества как человек, как интеллигент. Однако одна такая «клаузура» архитектора Джованни Бернини, не став по воле сиятельных особ Лувром, все же внесла вклад в формирование нового направления в искусстве, нового стиля — барокко. Что несет нам книга Менделя Футлика? Так ли уж эта его «клаузура» плоха?

Разумеется, нет, о чем свидетельствует более чем благожелательный ее прием представителями современной уральской интеллигенции: «И творчество, и вера в идеалы, и юмор, блеск, эрудиция, критическое отношение к реальности, и, конечно, дружба; если уж все это настоящее — то навсегда»; «письма, которые вошли в книгу, рисуют полную, драматичную и очень поучительную картину жизни советской творческой интеллигенции»; «книга не столько об архитектуре, сколько о людях... — вся богемная Пермь 1960—1980-х годов. Пожалуй, такой подробной и искренней книги о ней еще не было»³⁹; «Пусть незатейливая и шутливая переписка друзей, заменявшая им роскошь непосредственного общения, и размышления автора станут достоянием будущих поколений. Может быть, они смогут повернуть нашу жизнь и архитектуру лицом к запросам развитого культурно-просвещенного общества»⁴⁰.

К тому же книга является ценнейшим историческим источником как широкое полотно повседневной жизни провинциальной интеллигенции. Такие, например, детали, как организация утренних зарядок комсомольским активистом Борисом Ельциным; периодические военные сборы специалистов-архитекторов в качестве танкистов; одежда и обувь с особенностями

³⁹ Баталина Ю. О свободе среди несвободы: К своему 85-летию архитектор Мендель Футлик выпустил книгу воспоминаний // Новый компаньон: Пермский еженедельник. 2018. 27 июля.

⁴⁰ Лотарёва Р. М. Указ. соч. С. 425.

отношения к ней и даже ухода за оной; тщательно описанный чиновный инструментарий и течение рабочего дня типичного советского служащего, обеспечивавшего всеобщую занятость; условия его отдыха на курортном юге — а обилие таких деталей поразительно — безусловно, обогащают наше знание о прошлом, делают его более объективным и живым. «Истории из личной жизни ничуть не хуже любой другой истории. Всё это — мелочи жизни, которые, собственно, и представляют эту самую повседневную жизнь... Восстанавливая прошлое, мы стараемся понять сокровенный смысл настоящего. Осознав настоящее, можно уверенно продолжать путь в завтрашний день»⁴¹, — с этим утверждением архитектора, художника и мыслителя Менделя Иудовича Футлика нельзя не согласиться.

---

⁴¹ Футлик М. И. Указ. соч. С. 398.